

ЖАК ПЁШЕ

МЕМУАРЫ

извлечённые из архивов
парижской полиции

Том I

Перевод с французского

Жак Пёше

**Мемуары, извлеченные из архивов
французской полиции. Том I**

«Автор»

2026

Пёше Ж.

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том I /
Ж. Пёше — «Автор», 2026

Париж XVII–XVIII веков — город роскошных дворцов, грязных переулков и тайн, о которых не принято говорить вслух. Жак Пёше, архивист парижской полиции, открывает читателю мир, скрытый за официальной историей Франции. Из полицейских донесений, свидетельств и забытых документов складываются истории громких преступлений, дерзких афер, отравлений, похищений и придворных интриг. Здесь действуют кардинал Ришельё и Людовик XIV, знаменитая отравительница Ла Вуазен, разбойник Картуш и первые руководители столичной полиции. Но за именами властителей проступают судьбы обычных парижан — жертв, свидетелей и преступников. Первый том этих мемуаров показывает, как рождалась система полицейского надзора и как тесно переплетались власть, страх, деньги и человеческие страсти. Так оживает изнанка великой эпохи. Автор заметок Жак Пёше, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Пёше Ж., 2026

© Автор, 2026

Жак Пёше
Мемуары, извлеченные из архивов
французской полиции. Том I

МЕМУАРЫ
ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ АРХИВОВ ПОЛИЦИИ ПАРИЖА

ТИПОГРАФИЯ ГОСПОЖИ ПОРТЮМАН
Улица Азар-Ришельё, 8.

MÉMOIRES
TIRÉS DES
ARCHIVES DE LA POLICE
DE PARIS,

POUR SERVIR A L'HISTOIRE DE LA MORALE ET DE LA POLICE,
DEPUIS LOUIS XIV JUSQU'A NOS JOURS.

Par J. Peuchet,
Archiviste de la Police.

TOME I.

PARIS,

A. LEVAVASSEUR ET Cie,
Place de la Bourse, 8.

1838.

**МЕМУАРЫ,
ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ АРХИВОВ ПОЛИЦИИ ПАРИЖА,
В ПОМОЩЬ ИСТОРИИ НРАВОВ И ПОЛИЦИИ
ОТ ЛЮДОВИКА XIV ДО НАШИХ ДНЕЙ
Ж. ПЁШЕ**

Архивариус полиции

ТОМ I

ПАРИЖ

А. ЛЕВАБАССЁР И КОМПАНИЯ, Биржевая площадь, 8

1838

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ Учреждение должностей генеральных лейтенантов... 13

ГЛАВА II Обзор устройства прежней полиции 19

ГЛАВА III 1631 год. Бунт виноторговцев 25

ГЛАВА IV Буа-Робер и Ботрю 32

ГЛАВА V Смерть священника Мерлена 41

ГЛАВА VI Донесение о Фуке 50

ГЛАВА VII Рассказ о господине де Туррее 58

ГЛАВА VIII Взгляды Людовика XIV на управление полицией 65

ГЛАВА IX 1684 год, нищие 86

ГЛАВА X Необычайные разоблачения относительно Ла Вуазен 92

ГЛАВА XI Снова Ла Вуазен 99

ГЛАВА XII Необычайное исчезновение молодых людей... 107

ГЛАВА XIII Любопытство Месье 118

ГЛАВА XIV. Маркиз д'Аржансон 126

ГЛАВА XV. Донесение, представленное отцу Летелье, исповеднику... 143

ГЛАВА XVI. Кюре Круа-Дорад 156

ГЛАВА XVII. Мэтр Дюма 164

ГЛАВА XVIII. Маркиз де Куси 170

ГЛАВА XIX. Вступление господина де Машо на должность... 178

ГЛАВА XX. Вступление графа д'Аржансона в управление полицией 181

ГЛАВА XXI. Господин Ташеро де Бодри 184

ГЛАВА XXII. Возвращение графа д'Аржансона 188

ГЛАВА XXIII. Никола-Батист-Рауль д'Омбреваль, седьмой... 191

ГЛАВА XXIV. Рене Эро, восьмой генеральный лейтенант полиции 195

ГЛАВА XXV. Картуш 202

ГЛАВА XXVI Нравы времени 224

ВВЕДЕНИЕ

Полезно, чтобы время от времени в наши беспорядочные архивы, где история день за днём нагромождает свидетельства целой эпохи, бесстрашно спускались с факелом, дабы уничтожить бесполезные бумаги и вновь извлечь на свет множество сведений, к которым страна может обратиться в двух отношениях — философском и общественном, то есть ради изучения человеческих страстей, до сих пор столь плохо понятых, и ради наставлений по устройству общества, вытекающих из нашего разнообразного опыта, из бедствий и порывов, память о которых завещало нам прошлое. История не может быть праздным развлечением, более или менее занимательным собранием не связанных между собой анекдотов, не имеющих никакой

силы для будущего. Вдумчивое изучение прежних эпох естественным образом служит руководством для сколько-нибудь достойного публициста при необходимом исправлении учреждений, поскольку, в конце концов, изменчивость представляется нам неизменным свойством всего живого. Не размышляя над собственными ошибками, чего достигли бы мы в своём развитии?

Таинственная картина частной жизни, обнажение самых сокровенных пружин истории — вот задача, которую поставил перед собой Жак Пёше и выполнению которой он посвятил всё своё неутомимое упорство на протяжении службы архивариусом. В этой области он приобрёл обширные познания.

Жак Пёше наблюдал, как незаметные зародыши важнейших событий вырастали и крепили во мраке частной жизни и как одинаковые причины неизменно порождали сходные следствия. Самые блистательные исторические драмы были для него с тех пор лишь бурным взрывом и открытым проявлением незаметных перемен, давно уже совершившихся в нравах; а сами эти перемены, в свою очередь, представлялись ему укоренившимися в общем сознании лишь благодаря новым движениям и постепенному развитию человеческого духа.

Быть может, первый зачаток той формулы, посредством которой история перестанет представляться нам непостижимым хаосом, заключён именно в этом убеждении, которое он так часто высказывал в нашем присутствии. Порой он хотел упорядочить этот исторический хаос и намеревался тогда избрать человеческое сердце своим светочем, со всеми его врождёнными склонностями, неодолимыми порывами и неизменными стремлениями, с самого начала признавая его непреодолимой силой, чтобы с помощью этого начала осветить самые неясные эпохи наших летописей.

Подобно большинству людей, которые, едва обретя собственную мысль, всё начинают соотносить с нею, он утверждал, что верное средство продвижения к лучшему устройству различных общественных сил следует искать исключительно в совершенствовании административного управления.

Он даже весьма слабо отвергал упрёк в материализме, когда его обвиняли в намерении подчинить развитие человечества гению полиции: дело в том, что слову «полиция» он придавал широкий и честный смысл. Он утверждал, что с начала мира люди ничем иным, кроме полицейского управления, не занимались, хорошего или дурного, но всё же полицейского; и что народы, подобно детям, проходят через розги и первые школьные страдания под надзором своих предводителей, прежде чем освободиться и окончательно овладеть порядком и свободой. Если он охотно допускал эту временную диктатуру, эту власть создавать и разрушать, этот огромный простор для административного гения, то потому, что подразумевал: такой гений должен постоянно заботиться об общественном здоровье посредством научно обоснованных гигиенических предосторожностей, о безопасности личности и авторитете правосудия посредством искусных мер надзора, о последовательном исправлении законов посредством непрерывного изучения последствий их применения, о нравственности посредством воспитания, о всеобщем снабжении посредством распределения продовольствия, а следовательно, и распределения всевозможных работ, наконец, об архитектуре, которую, по его мнению, недостойным образом оставляли без внимания. Слово «ответственность» казалось ему начертанным на каждой странице истории — в несчастьях и катастрофах империй — и на каждой странице частной жизни — в ожесточённой борьбе и непрестанной ненависти между людьми. Поэтому Жак Пёше с жаром взывал к этой ответственности; для него она была вечно угрожающим дамокловым мечом.

Наша национальная склонность обещать слова, а вслед за ними и соответствующие этим словам должности, представлялась ему пагубной и нелепой. Он хотел бы восстановить доброе имя полиции и с досадой говорил, что, поскольку необходимость шпионажа вытекает из

слишком легкомысленно принятого догмата о неприкосновенности частной жизни, следовало бы воздавать почести храбрецам, посвящающим себя поискам тигров в наших пещерах.

Наконец, в частной жизни он видел явный протест против жизни общественной; по его мнению, всё зло происходило только отсюда. Хотя это положение и преувеличено, оно заслуживает рассмотрения. В собранных им заметках время от времени будут пробиваться проблески этого убеждения. У него оно было навязчивой мыслью, которую развили его любимые исследования, но которую он опасался открыто возводить в систему. Тем не менее среди кажущегося беспорядка его метода эта забота неизменно проступает, подобно тому как отблески света в пейзаже, каким бы беспорядочным он ни казался, открывают художнику, желающему перенести его на полотно, разумные и математические законы.

Жак Пёше, происходивший из хорошей буржуазной семьи, почтенной и связанной достойными родственными узами, родился в Париже в 1760 году. Будучи учеником коллежа Людовика Великого, он обнаружил способности, снискавшие ему привязанность преподавателей; случилось так, что они с особым усердием занялись развитием его ума. Превосходный латинист, основательно знавший греческий язык и уже знакомый с обеими литературами, он счёл себя достаточно подготовленным для получения учёных степеней; он получил звание магистра искусств, и его последняя диссертация была столь блестящей, что в учёном мире о ней вспоминали ещё долго спустя.

Родители предназначали его для медицины; он посещал занятия, появлялся в анатомическом театре, но здесь ему недоставало призвания; он предпочитал защищать людей и изучать их, а не исцелять с помощью более чем сомнительных тайных средств. Медицина показалась ему столь близкой к шарлатанству, что он оставил её. Он обратил свои помыслы к изучению законов страны и стал адвокатом. Здесь по крайней мере можно было различить тот всеобщий характер, которого он искал в профессии, хотя наука нанизывать слова по-прежнему часто представлялась ему искусством много говорить, ничего не сказав; он окончил курс права и был принят в адвокатское сословие.

В 1788 году аббат Морелле, посредственность, которую философы в своём кругу считали гением, чутьём распознал достоинства Пёше.

Эти знаки внимания делали честь тому, кому были оказаны; со своей стороны, наш автор преувеличивал значение одобрения Морелле и гордился установившимися между ними отношениями; в ответ он настолько сумел понравиться священнику-философу, что тот избрал его своим сотрудником и посвятил в тайны политической экономии — науки, которая, пожалуй, сможет когда-нибудь стать таковой, когда пройдёт через мозг гениального человека, но до нынешнего дня приводила лишь к блужданиям во мраке.

Вследствие этого сотрудничества Пёше принял участие в составлении «Записки против новой Ост-Индской компании», привилегия которой только что была восстановлена; или, вернее, по обыкновению, он один взял на себя всю работу, которую Морелле делал вид, будто исправляет, как это бывает в большинстве совместных трудов, если верить тому, что неизменно говорит один из соавторов. Когда этот аббат-делец задумал обман с «Коммерческим словарём», принёсший ему столько уважения, влияния и денег, хотя сам он никогда всерьёз над ним не работал, Пёше снова был к нему приставлен; он деятельно собирал материалы, документы, заметки и записки, необходимые для создания этого важного труда. Если всё это ничего не принесло состоянию бедного литературного работника на все руки, то по крайней мере исследования, которыми ему пришлось заниматься, развили его ум, и ум этот остался при нём. Скажем всё: он получил тысячу франков в качестве своей доли из пенсии в четыре тысячи франков, которой аббат Морелле пользовался до революции.

Эти двое друзей расстались; издатели новой «Энциклопедии», именуемой «Методической», понимая достоинства Пёше, привлекли его к себе и поручили ему большую часть разделов о полиции и муниципальном управлении. Эти труды о полиции и муниципальном управле-

нии живо занимали Пёше. Наконец он приблизился к специальности, которую давно искал; он получил возможность рассматривать общественную жизнь в зародыше, исследовать пружины управления в легко обозримых пределах, судить о человеке и по одному очагу деятельности делать выводы обо всех остальных. Так, ещё до 1789 года он занялся тем, что впоследствии стало главным предметом его размышлений.

Господин де Калонн, познакомившись с ним, оценил его, воспользовался его услугами и остался доволен.

После падения этого министра, который был лучше своей репутации, Пёше отошёл от дел. Преемник Калонна, Ломени де Бриенн, тогда архиепископ Тулузский, разыскал его в уединении и привлёк к работе. Однако это продолжалось не до конца его министерства, ибо Пёше, с достойной уважения независимостью приняв сторону парламентов в их борьбе против министра, разделил по воле последнего их падение. В 1788 году он был уволен; это было самое подходящее время для опалы.

Его репутация уже сложилась; сограждане также ценили его и доказали это в 1789 году. В Париже он был избран выборщиком — представителем коммуны — и членом муниципальной администрации по полицейскому ведомству, которым единолично управлял с сентября 1789 по август 1790 года.

Подобно многим людям здравого ума, он приветствовал зарю революции, но ненадолго. Обладая способностью ясно видеть, он рано понял, куда намеревались идти. О нём слышали следующие слова, относящиеся к этому периоду его жизни: *«Дни 5 и 6 октября 1789 года быстро сорвали с моих глаз повязку, которую завязала на них философия; едва получив возможность видеть, я устремился к свету, то есть к роялизму».*

Без сомнения, Пёше хотел сказать — к власти, поскольку его представления о свободе соединялись с представлениями о равновесии и централизации.

Вследствие этой перемены взглядов господин де Монморен оказал ему доверие, воспользовался его услугами, оценил его, как и другие министры, и добился для него от короля главного руководства «Газетт де Франс». Успехи в этой газете вскоре доставили ему и «Меркюр», который знаменитый Малле дю Пан уступил ему, словно он был Елисеем для этого другого Илии.

Как только революционеры составили своё суждение о Пёше, они решили устранить его; победа над монархией дала им такую возможность. Его отстранили от муниципальных обязанностей, и он сделался их мишенью. 10 августа 1792 года его заключили под стражу; один друг добился его освобождения.

«Во время бури поклоняйся эху», — сказал Пифагор; Пёше в эти смутные дни руководствовался другой поговоркой: *«Скрывай свою жизнь».* Он прекрасно понял, что, дабы сохранить её, необходимо заставить о себе забыть. Он внезапно покинул Париж, укрылся в уединённой сельской местности, объявил себя больным, объявил себя якобинцем и остался тем, кем был.

Маска якобинства принесла ему пользу. Ловкость его поведения доставила ему муниципальные почести; и в то время как террор сотрясал и умирал Францию, он сделался администратором округа Гонесс; там он шумел, подобно многим другим, ровно настолько, чтобы иметь возможность без опасности делать понемногу добра то здесь, то там. Поэтому он весело и не без основания говорил: *«Вить вместе с волками означает лишь обязанность состязаться с ними в громкости голоса, а вовсе не разделять с ними трапезы из падали; порядочным людям недостаёт только ловкости, чтобы управлять миром прямо под носом у злодеев»;* правило, несомненно, удобное, но мы остережёмся разбирать его слишком строго, ибо, в конце концов, эти колебания Пёше, желавшего удержаться на своём посту, происходили скорее от его любимых личных склонностей, чем от принципиальной трусости и лицемерия. У него была цель и были занятия; его совесть уступила его цели; исполняя свои обязанности, он дополнял свои

исследования муниципального управления. Друзья снисходительно отнеслись к перемене его взглядов.

Его гражданская благонадёжность позволила ему вернуться в Париж, и в конце 1793 года, при безрезультатном провозглашении конституции III года, которую показали народу, но не дали ему к ней привыкнуть, Пёше, чьи достоинства ценили, был поставлен во главе бюро законов и спорных дел, касавшихся эмигрантов, священников и заговорщиков. Здесь его ловкость снова спасла его от самого себя; говорят, он воспользовался служебным положением, чтобы оказать бесконечно много добра этим несчастным, которых повсюду требовали лишить имущества и жизни. Именно ему Бийо-Варенн однажды сказал:

— «Друг, берегись, ступай прямо, ты, по-моему, отчаянный умеренный, и это принесёт тебе несчастье».

Если эти угрозы Бийо-Варенна действительно имели место, следует признать, что Ж. Пёше сообщил о них с большим опозданием; но говорить о них ему следовало лишь кстати и в подходящее время.

Его враги воспользовались 18 фрюктидора, чтобы внести его имя в проскрипционные списки. Приговорённый к высылке, он ускользнул от жандармов, затаился в стороне и стал ждать. Желая занять свой долгий и печальный досуг, он задумал и осуществил свой прекрасный, важный труд — «Торговую географию», изданный им в VIII году (1800), в пяти томах формата ин-фолио.

Это была переработка труда Морелле по новому плану. Англичанин Мак-Куллох воспользовался этой книгой для своего «Коммерческого словаря», а труд самого Мак-Куллоха недавно был переработан нами (1).

(1) Два тома большого формата ин-октаво, 36 франков.

Столь грандиозный и столь хорошо направленный труд привлёк к нему внимание Шап-таля, человека, во всех отношениях способного понять и отметить достоинства, ибо он и сам был художником. Бонапарт, тогда первый консул, сделал Шапталя государственным деятелем, доверив ему портфель министра внутренних дел. Шапталю тотчас назначил Пёше членом Совета торговли и искусств. Позднее граф Франсе де Нант, которому выпала счастливая задача назначать на должности выдающихся людей, предоставил Пёше важное место в своей администрации, столь богатой людьми знания и ума; Пёше увеличил их число.

Реставрация в апреле 1814 года застала его на этих должностях; она поручила ему цензуру газет и сделала её доверенным постом. Опасный пост в руках человека, который в глубине души искренне полагал, что король, столь же благонамеренный, как, например, Генрих IV, способен по доброй воле принести своей стране больше пользы, чем более рассредоточенный произвол всех законодательных собраний мира.

Во время Ста дней Пёше удалился от дел; этот поступок бескорыстия, если не мужества, доставил ему место архивариуса полицейской префектуры, которое он занимал до 1827 года.

Несомненно, Наполеон вернул бы его на прежнюю должность, если бы власть империи упрочилась. Поступки, имеющие вид преданности, никогда не бывают совершенно неприятны власти имущим; и господин де Бональд сказал, что Наполеон по существу был монархистом.

Во многом похожий на академика Лемонтэ, который незаметно творил добро, при жизни скрывал половину своих взглядов и оставлял за собой право стать посмертным революционером, преследуя довольно благоразумную цель при всяких обстоятельствах сохранить для себя счастливое и удобное существование, Пёше, хотя в глубине души был убеждённым роялистом, соединял со стремлением к устойчивости в одном отношении жажду свободы, нисколько, как ему казалось, не противоречившую прочности престола; но ему требовалась сильная власть. Он превосходно понимал окружавшую его непрочность и предпочитал подвергать цензуре самого себя, лишь бы не содействовать её расшатыванию. Революции погребали его надежды; он скорбел о них, ибо среди смуты невозможно ничего устроить. Он видел только это. В этом

отношении он охотно изображал труса и боялся, что малейшее дуновение увлечёт его в крушение, произведённое этим ураганом. Его сочинения, опубликованные при жизни, изобилуют пробелами, которые мы обнаруживаем в его бумагах, заботливо помеченными для того, чтобы после его смерти они вновь заняли своё место в его трудах. Эти пробелы любопытны. Превосходство его точки зрения ставит его выше всех партий и даёт ключ к его кажущимся противоречиям. Он принадлежал к немногим людям, которые стремятся среди обособленных сфер, где порознь вращаются различные враждебные друг другу партии, отыскать точку соединения, способную воспользоваться ими и собрать их воедино, подобно тому как геометр устанавливает центральную точку, в которой сходятся все радиусы, а механик находит ось, вокруг которой действуют различные силы, приводимые им к единству. Лично он знал лучшие умы своего столетия: Фоше и Бабёфа, Мирабо и Сен-Симона, аббата Сийеса и Шарля Фурье. Эклектизм, пытавшийся утвердиться во Франции, сначала соблазнил его, но затем он отвернулся от него как от горделивой попытки человеческой дерзости, позволяющей себе по собственному усмотрению выбирать и отвергать, по собственному почину, в творении Божиим и в человеческом роде, где принимать следует всё. Его склонности неизменно возвращали его к материальным интересам, которые, по его словам, легче месить и направлять, чем человеческие умы. Он упорствовал в этом, оставляя в стороне прочие споры, настойчиво и живо доказывал своё, иногда убеждал, и ораторы Учредительного собрания, Конвента, Трибуната, а также выборной палаты эпохи Реставрации обязаны его беседам и сведениям не одним возвышенным соображением относительно стеснённого и бедственного положения, в котором коммуна донныне находится во Франции. Частная жизнь, которую он называл частной жизнью света, была главным предметом его критики, и, как нетрудно догадаться, тёмные связи прежней полиции позволили ему погрузиться в эту трясину, брожение которой вызывало наши гнилостные лихорадки и общественные страдания. Человек осторожный при жизни и чрезмерно уступчивый в своих сочинениях, он в конце концов сказал, что наши поколения — навоз будущего и что из нашего рассеяния по земле наконец, среди страданий, вырастет дерево познания добра и зла.

Кроме уже упомянутых нами трудов, вышедших из-под его пера, он является автором следующих:

1° «Отчёт о моей деятельности», 1792, брошюра формата ин-октаво.

2° «О классификации законов», 1793, ин-октаво.

3° «Словарь торговых терминов», 1800, ин-кварто. Этот труд, составляющий приложение к «Торговой географии», присоединён к ней; иногда его также выпускали отдельно.

4° «О торговле нейтральных стран во время войны», перевод с итальянского труда Лампреди, 1801, ин-октаво.

5° «Коммерческая библиотека», с 1802 года и далее; периодическое издание, прекращённое в 1809 году вследствие континентальной войны и возобновлённое в 1814 году; на этот раз оно было приостановлено после выхода первого номера из-за 20 марта; о продолжении объявили в 1817 году, но оно не последовало.

6° «Начальная статистика Франции», 1807, ин-октаво.

7° «Соображения о пользе и восстановлении свободного порта в городе и округе Марселя», 1807, ин-октаво.

8° «Топография и статистика Франции». Шанлер сотрудничал с ним при составлении этой брошюры, 1807, ин-октаво.

9° «Собрание законов, ордонансов и полицейских постановлений с XIII века до 1818 года», десять томов ин-октаво; ценный справочный труд.

10° «Современное положение колоний», 11 томов ин-октаво.

11° «Частная, политическая и литературная жизнь Оноре Рикелли, графа Мирабо», 1821, три тома ин-октаво.

12° «Положение колоний и торговли в обеих Индиях» и прочее, 1821, два тома ин-октаво.

13° «Философская и политическая история водворения европейцев в Африке», посмертный труд Рейналя, издателем которого выступил Пёше, 1823, четыре тома ин-октаво.

14° Барбье в своём «Словаре псевдонимов» приписывает ему издание «Мемуаров маркиза д'Аржана».

15° Его «Мемуары». Разумеется, они окажутся отнюдь не самым незначительным из произведений, вышедших из-под его пера, и, несомненно, самым занимательным. Читатель найдёт здесь правду, развлечение, разнообразие, точность анекдотов, учёность — одним словом, то, что ищут в сотне сочинений и что лишь это одно представит во всей полноте.

Мы были вынуждены, хотя и с сожалением, кое-где удалить слова и незначительные подробности, которые не вынесли бы дневного света; слова и подробности, соответствующие распушенности нравов, которую ему надлежало засвидетельствовать. За исключением этих мелочей, мы заверяем читателей в неприкосновенности текста.

АЛЬФОНС ЛЕБАВАССЁР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Учреждение должностей генеральных лейтенантов полиции Парижа. — Их обязанности. — Законы 1572 года. — Полицейское бюро из четырёх избранных горожан. — Полномочия этого бюро. — Эдикт 1667 года. — Устройство прежнего полицейского управления до этого эдикта. — Ответственность лейтенантов полиции перед Парламентом. — Заседания Шатле. — Расходы полиции: кем они определялись, предписывались и оплачивались.

Можно отнести к 1667 году время учреждения той полиции, которая впоследствии получила в Париже столь огромное развитие и приобрела столь большую власть и влияние.

История сообщает нам, что Людовик XIV, желая полнее преобразовать эту часть управления, как он уже поступил с другими отраслями государственного устройства, занялся учреждением магистратской должности, особая обязанность носителя которой состояла бы в попечении о полиции Парижа и назначение на которую принадлежало бы ему самому.

Ещё прежде, эдиктом 1666 года, он в значительной мере позаботился о средствах водворения в столице безопасности и спокойствия; но отсутствие власти, независимой в своих действиях и целиком посвящённой заботам о городской полиции, препятствовало осуществлению задуманных им улучшений.

До этой эпохи полицейское управление, составлявшее одну из главных обязанностей парижского прево, осуществлялось под высшим надзором Парижского парламента (1) двумя лейтенантами Шатле, одним по гражданским делам, другим по уголовным, и городским бюро под председательством купеческого прево — муниципального судебного учреждения, ведавшего речной торговлей и охраной мостов.

(1) Доказательство этого верховенства Парламента можно видеть в событиях Фронды 1649 года. Когда двор был вынужден удалиться в Сен-Жермен, Парламент, собравшись всеми палатами, вынес постановление, повелевавшее купеческому прево как главе городских эшевеннов заботиться об общественной безопасности и охране ворот, приказать выдать оружие горожанам, запретив часовой выпускать какие бы то ни было военные припасы, а должностным лицам Шатле — обеспечить снабжение Парижа и доставку продовольствия, причём запрещалось даже препятствовать его ввозу. («Мемуары Монжеля».)

Для рассматриваемого мною предмета безразлично знать, каким образом до эдикта 1667 года управлялась полиция столицы.

Эдикт июня 1572 года предписывал образовать для этой цели бюро в составе одного из председателей и одного из советников Парламента, одного рекетмейстера, гражданского лейтенанта, купеческого прево, одного из эшевеннов и четырёх горожан из числа не занимавшихся торговлей, — столь хорошо понимали в ту мудрую эпоху опасность верить полицию людям, чьим предприятиям она могла бы мешать или которые стремились бы употребить её к соб-

ственной выгоде; наконец, королевские прокуроры при Шатле и Ратуше завершали состав этого внушительного бюро, подбор членов которого представлял собой подлинную общественную гарантию.

Это собрание обладало правом приводить в исполнение полицейские постановления и судить о нарушениях по донесениям комиссаров Шатле — низших магистратов, происхождение которых восходит к древнейшим временам монархии. Кроме того, это полицейское бюро имело право выносить окончательные решения по делам стоимостью до десяти нынешних франков и решения с правом обжалования — до сорока франков; лиц, проступок которых влёл телесное наказание, передавали надлежащим судьям.

Несмотря на свои гарантии, такой способ управления полицией показался сопряжённым с неудобствами; он просуществовал недолго. Постановление Совета, зарегистрированное Парламентом 2 декабря 1577 года, заменило его порядком, имевшим некоторое сходство с тем, который был впоследствии учреждён в 1791 году.

«В каждом квартале Парижа, — говорилось в этих жалованных грамотах, — должны быть почтенные жители, избираемые для исполнения полицейских обязанностей; они смогут присуждать к уплате суммы до одного экю. На их приговор можно будет приносить жалобу, но лишь в порядке обращения в общее полицейское собрание. Это собрание будет происходить раз в неделю в присутствии парижского прево или лейтенантов, купеческого прево и эшевенгов, обязанных в нём участвовать; один из избранных будет докладывать им о том, что ими сделано и что, по их мнению, необходимо сделать для общественного блага, дабы все они могли действовать в одном духе».

Различные статьи этого постановления предписывали, каким образом полицейские сержанты (приблизительно те, кого до революции называли инспекторами полиции, а ныне — офицерами охраны порядка и городскими сержантами) и комиссары полиции должны были вести себя при исполнении своих обязанностей. На эти полицейские собрания приглашали также старшин и присяжных надзирателей корпораций горожан и ремесленников, когда рассматриваемые вопросы могли затрагивать их интересы.

Почти таким же образом управлялась полиция во всех городах Франции, имевших в ту эпоху ратушу и муниципальное управление, в чём можно удостовериться по Муленскому ординансу 1569 года.

Из этих предварительных сведений следует заключить, что горожан в ту эпоху не только не отстраняли от ведения дел, но, напротив, призывали участвовать в их рассмотрении, особенно в вопросах местной полиции. Это было следствием городских вольностей и прав, которые они разделяли с чиновниками королевского и сеньориального правосудия.

Однако обширность Парижа, его постепенное разрастание, множество прибывавших в него чужеземцев и потребность правительства располагать более действенными и более зависимыми от его воли средствами поддержания спокойствия и общественной безопасности побудили его задуматься об изменении полицейского управления. Поэтому было предложено учредить единую магистратскую должность, которой поручили бы это управление. Людовик XIV с готовностью принял этот проект: его обсуждали на совещаниях у канцлера Сегье, и уже в марте 1667 года появился знаменитый эдикт об учреждении должности лейтенанта полиции города Парижа, зарегистрированный Парламентом в том же месяце.

«Поскольку наш добрый город Париж, — заставляют говорить в нём короля, — есть столица наших государств и место нашего обычного пребывания, которое должно служить образцом всем другим городам королевства, мы сочли, что ничто не достойно нашей заботы более, чем надлежащее устройство в нём правосудия и полиции, и мы обратили своё внимание на эти два предмета; оно сопровождалось столь большим успехом, а многие недостатки полиции уже были столь благополучно исправлены, что каждый, побуждаемый испытываемыми удобствами, охотно содействует и помогает совершенствованию столь великого дела; однако необходимо,

чтобы проводимое нами преобразование поддерживалось магистратами; и поскольку обязанности правосудия и полиции часто несовместимы и слишком обширны, чтобы один чиновник мог надлежащим образом исполнять их в Париже, мы решили разделить их и так далее, по этим причинам и так далее».

Преимущества, обнаруженные в этом законе для скорого осуществления полицейского управления, послужили поводом к учреждению подобных должностей в других сколько-нибудь значительных городах. Однако лишь в 1699 году эта магистратура начала учреждаться в провинциях.

Выбор, сделанный королём в пользу Ла Рейни как первого лейтенанта полиции, не мог быть удачнее. Ла Рейни принадлежал к числу рекетмейстеров, присутствовавших на совещаниях господина канцлера. Ниже я ещё вернусь к этому магистрату, который с самого вступления в должность произвёл большие изменения в полиции Парижа.

Лейтенант полиции находился в руках правительства, когда речь шла о мерах надзора и пресечения, а также о расследованиях, которые оно предписывало; но Парламент всегда сохранял над этим магистратом, как и над членами Шатле, высшую судебную власть. Именно перед Парламентом он приносил присягу и ежегодно отчитывался о состоянии продовольственного снабжения столицы и о мерах предосторожности, принятых им при серьёзных происшествиях. Так, в связи с прискорбным происшествием 30 мая 1770 года, во время бракосочетания дофина с эрцгерцогиней Марией-Антуанеттой, о котором пойдёт речь во втором томе, лейтенант полиции де Сартин был вызван к судейскому месту Парламента, чтобы оправдаться от обвинений в ошибках, допущенных им при этом печальном событии. То же произошло во время беспорядков, случившихся в Париже при господине Беррье в 1750 году вследствие притеснений нищих полицейскими агентами и слухов, распространявшихся тогда, как и во многие другие времена, будто детей похищали, чтобы делать из их крови ванны.

Лейтенант полиции соединял в своём лице два различных, но неразделённых качества — судьи и администратора. Это соединение считали необходимым для исполнения полицейских обязанностей. В качестве судьи он проводил заседания в Шатле, где по донесениям полицейских комиссаров выносил судебные решения о нарушениях полицейских постановлений; в качестве администратора и королевского комиссара по некоторым особым предметам ведал всеми мерами, необходимыми для общественной безопасности и спокойствия, был обязан предупреждать преступления и исполнять королевские приказы.

Число и характер его полномочий, равно как пределы его ведомства, были установлены учредившим эту должность ордонансом; однако это не препятствовало тому, что при исполнении некоторых обязанностей он нередко вступал в соперничество с купеческим прево.

Расходы полиции определялись лейтенантом полиции, санкционировались генеральным контролёром финансов и оплачивались королевской казной, ежемесячно перечислявшей в полицейскую кассу одну двенадцатую назначенной суммы. Тогда правительство взимало с города Парижа особые сборы. В их число входили пошлины при въезде через городские заставы; они составляли часть королевских откупов. Сборы с крытых рынков и торговых площадей также поступали в пользу правительства; поэтому было справедливо, чтобы казна оплачивала расходы этого управления. В настоящее время они лежат на городе Париже и определяются муниципальным органом и министром внутренних дел.

ГЛАВА II

Обзор устройства прежней полиции. — Её бюро. — Применение тайных королевских приказов об аресте и распоряжений короля. — Книгоиздательские дела. — Нарушение тайны переписки. — Господа Пюиссан и Шикю. — Их состояние. — Эдикт 1740 года. — Должности инспекторов. — Они приносят сто эку жалованья и продаются за четыреста тысяч ливров. — Комиссары Шатле. — Вознаграждение полицейских комиссаров. — Дозор и стража.

В предшествующем изложении я следовал хронологическому порядку; я рассказал об учреждении должности магистрата, ведавшего полицейским управлением, и о его обязанностях. Теперь, прежде чем приступить к исторической и анекдотической части, я вкратце обрисую устройство самой полиции и постараюсь объяснить систему её управления. Я расскажу о злоупотреблениях и коррупции, царивших в ней. С этой стороны предмет обширен, и в материалах у меня недостатка не будет.

Полиция со времени учреждения её единоличного начальника действовала: 1° посредством бюро лейтенанта полиции; 2° посредством комиссаров полиции; 3° посредством полицейских магистратов; 4° посредством тайных агентов, которым дали название *мушаров*. Это название происходит от имени одного знаменитого шпиона XVI века (1).

(1) Один инквизитор веры при Франциске II носил имя Муши, по названию пикардийской деревни, где он родился; он стал именоваться Антуаном Демошаресом, а шпионы, которыми он пользовался и которых сначала называли *мухами* из-за его прозвища Муши, впоследствии получили название *мушаров Демошареса*.

Лейтенант полиции обычно передавал начальникам своих бюро поступавшие к нему прошения, запросы разъяснений и жалобы. Для собственного кабинета он оставлял особые распоряжения двора и министров; однако редко случалось, чтобы он принял какую-либо меру или отдал приказ, предварительно не посоветовавшись со своими главными письмоводителями: позднее это наименование заменили словом «служащие».

Бюро помещались в здании полиции на улице Нёв-де-Капюсин; там находились магистрат и его администрация; последняя состояла из генерального секретариата, где выписывали королевские приказы, касавшиеся Бастилии, Венсенна и других государственных тюрем, а также решения магистрата по прошениям о заключении людей в тюрьмы или об освобождении заключённых. К ведению секретариата относились также дела книгоиздания, цензура театральных пьес, вскрытие писем и передача дел различным бюро. Покровительство прикреплённых к нему лиц имело столь большое значение, что его жадно добивались, ибо оно становилось важной опорой в делах, которые могли возникнуть у человека с полицией.

Других бюро было семь, считая и бюро кормилиц; каждое имело определённые полномочия и особого начальника. Начальники пользовались большим влиянием и почти единолично решали довольно много дел. Штатное жалованье было незначительным; но денежные награды, которые письмоводители получали либо от лейтенанта полиции, либо от лиц, интересы которых они поддерживали, увеличивали это жалованье в десять и более раз против суммы, значившейся в ведомости окладов. Известно было, например, о состоянии господина Пюиссана, которому по этой ведомости полагалось жалованье в четыре тысячи ливров, но который держал экипаж и великолепный дом (1).

(1) Он богато выдал свою дочь замуж за господина Казалю из Тулузы, от этого брака было потомство: их сын оставил блестящее состояние, разорённое революцией, но достаточно значительное, чтобы вдова господина Пюиссана Дюклюзо могла носить титул графини.

Подобные примеры встречаются и в современной полиции: я приведу лишь один. Господин Шику, умерший два года тому назад, составил себе тридцать пять тысяч франков *ГОДОВОЙ РЕНТЫ* на должности начальника третьего отделения, ведавшего крытыми рынками, торговыми площадями и снабжением при префектуре полиции. Но господин Шику скрывал своё состояние, тогда как господин Пюиссан пользовался своим довольно почтенным образом. Пюиссан-Деланд был человеком хорошего общества; он охотно оказывал услуги литераторам, которые, однако, редко щадят полицию.

Снабжение Парижа, уборка уличной грязи, освещение, дела, касавшиеся мануфактур, искусств и торговли, королевские приказы, относившиеся ко всему этому, а также полицейские расходы входили в число самых выгодных обязанностей старших письмоводителей полиции.

Освещение отражательными фонарями, впервые устроенное в 1769 году, осуществлялось подрядчиком, заключавшим соглашение непосредственно с лейтенантом полиции. Ни по этому предмету, ни по уборке улиц не проводилось торгов на понижение цены. Этими делами ведали бюро господина Пюиссана; тогда ещё не говорили, что они входят в круг полномочий.

Одним из старших полицейских письмоводителей, пользовавшихся наибольшим значением во времена господина Ленуара, был господин Лешов. В его бюро находились королевские приказы, прошения о должностях, записки и сведения, касавшиеся получения этих должностей. Сами приказы выписывались секретариатом.

Главными агентами этого управления были инспекторы полиции — чиновники административного ведомства, находившиеся в распоряжении полицейского магистрата. Они носили титул королевских советников и покупали свои должности (эдикты 1708 и 1740 годов и 31 июля того же года). Их было двадцать, и они складывали в общую кассу вознаграждения за свою службу. Они распределялись по двадцати кварталам Парижа.

Согласно закону 28 плювиоза VIII года (17 февраля 1800 года), Париж ныне разделён на двенадцать муниципальных округов. Каждый из этих округов разделён на четыре квартала, что составляет сорок восемь подразделений, управляемых равным числом главных комиссаров полиции; я говорю «главных», потому что при господине де Беллеме эту классификацию усложнили, прибавив двадцать четыре помощника комиссаров.

Обязанности инспекторов прежнего управления были определены эдиктом марта 1740 года; в нём сказано:

«Двадцать инспекторов полиции, до числа которых сокращены существовавшие ранее сорок, будут распределены генеральным лейтенантом полиции по различным кварталам Парижа для осуществления под надзором комиссаров Шатле наблюдения за чистотой улиц, фонарями, общественным освещением, непосредственными опасностями и всем, что касается соблюдения полицейских постановлений. Они обязаны в течение дня и, если того потребует случай, в ту же минуту извещать как лейтенанта полиции, так и комиссара, к которому они будут прикреплены, обо всех обнаруженных ими нарушениях, а также сообщать обо всех замеченных злоупотреблениях и вообще обо всём, что может относиться к полиции, и сопровождать комиссаров при осмотрах, когда те этого потребуют».

Этим эдиктом стоимость должности инспектора была установлена в семьдесят пять тысяч ливров, а корпорации двадцати инспекторов назначили шесть тысяч ливров жалованья для раздела между ними. Когда эти должности приобрели большое значение, впоследствии их продавали дороже чем вчетверо против первоначальной цены. Бывали случаи, когда их стоимость поднималась почти до четырёхсот тысяч ливров, тогда как постоянное жалованье составляло сто экю....

Из текста только что процитированного мною эдикта видно, что инспекторы принадлежали к иной служебной иерархии, нежели комиссары Шатле, подобно тому как ныне офицеры охраны порядка отличаются от чиновников судебной полиции.

Комиссары Шатле составляли корпорацию магистратов низшего разряда; они именовали себя королевскими советниками, исполнителями постановлений Парижского Шатле.

Учреждение их должностей относится к первым временам создания Парижского Шатле. Постановления Парламента прямо предоставляли указанным комиссарам в случае поимки с поличным право по собственной инициативе производить дознание, допрашивать обвиняемых и даже заключать их под стражу. В настоящее время в качестве чиновников судебной полиции они имеют лишь право выдавать ордера о приводе и заключении под стражу.

Вознаграждение полицейских комиссаров было невысоким; но лейтенант полиции поручал им тайные обязанности, за исполнение которых они получали возмещение. Пед....., публичные женщины, иностранцы, распутные священники и прочие составляли столько же ведомств, поделённых между ними. К этому следует прибавить исключительное право нало-

жения и снятия печатей, доход от которого достигал значительной суммы, что объясняет цену от шестидесяти до восьмидесяти тысяч ливров, до которой дошли эти должности.

Ночной дозор и парижская стража, представлявшие собой два различных корпуса, также входили в круг ведомства лейтенанта полиции. Кроме того, различными постановлениями Совета ему поручалось разбирать спорные дела ремесленных и торговых корпораций, а также многочисленные частные вопросы, которых требовало полицейское управление.

Таков краткий обзор этого устройства, наполовину произвольного, наполовину законного, которое руководило городским хозяйством Парижа; учреждения полезного, но проникнутого коррупцией, несомненно вследствие огромной власти, которую давало ему неограниченное употребление тайных приказов об аресте и королевских распоряжений. Вдобавок это управление могло по своему усмотрению нарушать тайну частной переписки; в этом отношении мы даже можем сказать, что правительство, ложно понимая необходимость самосохранения, возводило такое нарушение в закон. В результате ничто не оставалось тайным, и самая незначительная любовная история могла стать известной двумстам лицам и действительно становилась известной по крайней мере сорока.

Я достаточно сказал об устройстве полиции; теперь, чтобы познакомить с нею лучше, я сделаю из множества находящихся в моём распоряжении документов выборку донесений, представляющих занимательную сторону дела и способных удовлетворить всевозможные читательские вкусы.

ГЛАВА III

1631 год. Бунт виноторговцев. — Любопытное донесение об этом деле. — Учтивый ответ купеческого прево на жалобы виноторговцев. — Брица, генеральный откупщик. — Неповиновение солдат полковника Майе. — Разъярённое собрание. — Выкрики. — Представления, сделанные кардиналу Ришельё купеческим прево. — Кардинал уступает. — Порядок восстанавливается.

Если и есть событие, достойное занять место в истории парижской полиции, то это то, которое изложено в протоколе городского бюро за февраль 1631 года. Ни один историк, насколько мне известно, не упоминал об этом примечательном происшествии; документ, из которого я его извлекаю, вполне достоверен.

В первых числах февраля 1631 года толпа примерно из ста пятидесяти человек, состоявшая из хозяев виноторговых заведений и их приказчиков, явилась в городское бюро с жалобой на новый налог, который намеревались ввести на вино, продаваемое в розницу. Эти люди заявили, что эдикт об установлении этого налога находится в Палате косвенных сборов для утверждения и что они пришли просить господ из городского бюро присоединиться к ним и воспрепятствовать утверждению. Согласно протоколу, все они говорили одновременно, беспорядочно, и сыпали тысячами угроз, на что господин купеческий прево ответил им весьма учтиво:

«Чтобы они замолчали; что город окажет им содействие, дабы воспрепятствовать утверждению и введению названного налога, и что он собирается подать прошение в Палату косвенных сборов, чтобы получить текст эдикта, с тем чтобы возразить против него, оспорить его и не допустить его введения». Затем упомянутый господин купеческий прево добавил: «Чтобы в другой раз они не приходили толпой, ибо достаточно трёх или четырёх представителей из их числа и он не может одобрить присутствия такого множества людей, которое, по-видимому, намеревается прибегнуть к насилию над властью».

«Упомянутая толпа, возбуждённая, но не удовлетворённая, особенно недовольная последней частью речи своего первого магистрата, согласилась удалиться, однако не без угроз и оскорблений; даже спускаясь по лестнице, они громко говорили, что следует отправиться в

дом Бриуа, генерального откупщика косвенных сборов, чтобы выволочь его на свалку вместе со всеми, кто станет его поддерживать».

«Через четверть часа господам городского управления сообщили, что толпа собралась у дома господина Бриуа, намереваясь учинить там беспорядки, вследствие чего господа Лакур и Пепен, эшеваны, тотчас отправились туда; они пробыли там около получаса и, возвратившись, рассказали господину купеческому прево, что те самые люди, которые недавно приходили к ним, собравшись в ещё большем числе, бросились к дому названного откупщика, чтобы разграбить его; что запертая дверь дала упомянутым господам эшеванам время прибыть на место и пустить в ход добрые слова, благодаря которым мятежники, виноторговцы и приказчики, разошлись. Когда названные господа Лакур и Пепен заканчивали свой рассказ, явился сильно взволнованный человек и предупредил господ городского управления, что народ бунтует сильнее прежнего и что необходимо немедленно принять меры».

«Тогда упомянутые господа купеческий прево и эшеваны направились прямо к дому Бриуа и увидели там от четырёх до пяти сотен с лишним людей всевозможного звания — содержателей таверн, трактирных слуг, носильщиков, возчиков и прочих, — которые громко и во всеуслышание заявляли, что следует поджечь дом этого откупщика-грабителя, что им нужен сам Бриуа, чтобы содрать с него кожу заживо, подобно тому как он и ему подобные ежедневно обдирают своими хищениями буржуа и простых жителей доброго города Парижа».

«Господа купеческий прево и эшеваны пытались утихомирить этот народ, однако ничего не смогли добиться. Видя это, упомянутые господа из городского управления попросили господина Майе, полковника, чей дом находился по соседству с домом названного господина Бриуа, взяться за оружие и вооружить свою роту, чтобы прекратить означенный мятеж».

«Названный господин Майе вышел со своими людьми, держа в одной руке протазан, а в другой пистолет, и сам ходил от двери к двери, разыскивая своих солдат; но всё было напрасно, никто из его роты не пожелал выйти, говоря, что упомянутый налог вводится против них самих и что они не хотят защищать этого Бриуа, а, напротив, его надлежит сжечь. Таким образом, полковник господин Майе, несмотря на всё своё доброе желание, не смог один заставить народ разойтись. Самые разъярённые даже принялись бросать в него камни, вынудив его укрыться в дверном проёме».

Между тем купеческий прево и эшеваны отправились в Лувр к господину хранителю печатей просить помощи. Тотчас был отдан приказ господину д'Окенкуру, великому прево Франции, и начальнику ночной стражи явиться со своими лучниками на место мятежа.

«Приблизившись к упомянутому дому и обнажив шпаги, они, как сказано в протоколе, заставили народ несколько отступить, проникли во двор названного прево и расположились там для обороны. Но это ничему не помогло, ибо со всех сторон стекались тысячи всякого сброда, громко угрожавшего всех перебить. Видя это, упомянутый господин начальник ночной стражи, опасаясь, что со временем не сможет противостоять растущему мятежу, этому не знающему узды народу, этим упрямым парижским буржуа, которые отправляются на битву, как на зрелище, чтобы посмотреть и развлечься, и которые уже выходили из домов с оружием, послал в Лувр просить Его Величество подкрепить его несколькими ротами гвардии, что Его Величество и сделал; он направил к нему две роты».

«По прибытии этой гвардии господин великий прево со своими людьми и другими лучниками сделал вылазку, чтобы оттеснить народ. Он приказал открыть огонь по мятежникам; было произведено несколько выстрелов из карабинов; двое были убиты и трое взяты в плен. Последних отвели во двор дома Бриуа».

«Тогда возчики и люди без определённых занятий, поняв, что находиться в этом месте для них небезопасно, и видя к тому же, что гвардейские роты занимают позиции вокруг дома Бриуа и что по приказу господ городского управления начали натягивать цепи, удалились, поскольку было уже более шести часов вечера».

«Несмотря на отступление народа, гвардейские роты и начальник ночной стражи остались в доме Бриуа; и около семи или восьми часов вечера, когда, несомненно, стали опасаться за жизнь этого человека, туда прибыл господин герцог де Монбазон, губернатор этого города, в сопровождении шести или двенадцати дворян с пистолетами в руках. Он объявил господину Бриуа, что имеет приказ короля забрать его и доставить в безопасное место, и в ту же минуту велел ему сесть в свою карету, после чего упомянутый де Монбазон отвёз его в свой особняк на улице Бетизи, где тот оставался до следующего вторника, когда в четыре часа утра покинул город, чтобы избежать ещё больших несчастий».

«Во вторник, четвёртого числа упомянутого февраля, около девяти часов утра, названная рота королевской гвардии была снята, и в указанном доме остался только гарнизон — начальник ночной стражи с тридцатью своими лучниками, которые забаррикадировались во дворе этого жилища».

«В тот же день около тридцати или сорока человек вновь начали собираться на улице, несмотря на гарнизон. Мало-помалу к ним присоединилось более трёхсот человек, остававшихся там до шести часов вечера, бросавших камни, угрожавших всех убить, громко требовавших этого Бриуа, заявлявших, что хотят заполучить его и сделают из его головы шар, а из остальных членов его тела — кегли, чтобы он послужил им для забавы, он, который столько времени морил их голодом и грабил всеми способами».

«Около семи часов эта разъярённая толпа, видя, что уже совсем стемнело и что из-за установленных мер предосторожности невозможно предпринять никакой попытки, разошлась. С тех пор никто из них больше не появлялся, и это волнение было полностью подавлено».

Из дальнейшего содержания того же протокола явствует, что народ не только не уступил увещаниям и обещаниям, но и успокоился лишь тогда, когда узнал об отзыве проекта постановления и убедился, что ему будет оказана справедливость. Действительно, в среду, пятого числа того же месяца, когда всё возвратилось к видимому миру, своего рода учтивости, которая никого не обманывала, господин купеческий прево отправился к его преосвященству монсеньору кардиналу герцогу де Ришельё, командору королевских орденов, епископу Люсонскому и первому министру Его Наихристианнейшего Величества Людовика XIII, короля Франции и Наварры, которому изложил, какой великий ущерб государству нанесёт упомянутый эдикт об установлении четвертной вместо восьмой доли сбора с продажи вина в розницу и что ввести его будет невозможно, смиреннейше умоляя кардинала поговорить об этом с королём и показать ему, как надлежит поступить.

«В тот же день его преосвященство кардинал де Ришельё сказал господину купеческому прево, что говорил с королём об упомянутом эдикте; что Его Величество объявил ему о своём нежелании продолжать его утверждение и о том, что впредь о нём никогда не будут говорить. И упомянутый господин купеческий прево, исполненный радости, возвратился в Ратушу, откуда велел передать старшинам и присяжным надзорителям виноторгового ремесла, содержателям таверн и прочим, что Его Величество, вняв их жалобам, не желает продолжения утверждения этого эдикта, столь неприятного его добрым буржуа и любезным простым жителям Парижа».

Это событие и сопровождавшие его обстоятельства дают немало поводов для размышления. В нём виден дух времени, дух правительства и в особенности образ действий Ришельё, который в начале своего министерства не пожелал раздражать народ. Можно было бы также сравнить поведение власти при этих обстоятельствах, осторожность, соединённую с твёрдостью, проявленную ею во время бунта, когда народ угрожал самыми страшными крайностями, с тем, что мы видели в ноябре 1827 года. Ибо в последнем случае, собственно говоря, имели место лишь некоторые беспорядки, но не мятеж. В общем, я счёл, что этот рассказ достоин занять место в настоящей хронике парижской полиции.

Теперь, пользуясь другими разрозненными документами, найденными мною в картонной папке, забытой за одним из бюстов, украшающих зал паспортов в префектуре полиции, я

вновь выведу на сцену кардинала де Ришельё, притом более интересным и непосредственным образом. Документ, о котором я говорю, представляет собой донесение, составленное по его приказанию о дерзких проявлениях любви, которые герцог Бекингем, фаворит английского короля Якова I, осмелился выказывать по отношению к Её Величеству Анне Австрийской, испанской инфанте и королеве Франции благодаря её браку с Его Величеством Людовиком XIII. Известно, что Бекингем, посланный во Францию ходатайствовать перед Людовиком XIII за протестантов, вздумал разыгрывать влюблённого перед королевой. Король заметил это и был недоволен; он пожаловался своему министру, который был разгневан ещё сильнее его, ибо сам притязал покорить сердце королевы и потому ещё менее терпеливо, чем король-супруг, переносил мысль о том, что Анна Австрийская могла благосклонно относиться к герцогу Бекинге-му. Тогда, желая выяснить это столь важное для него дело, он пустил в ход двух людей, весьма знаменитых в ту эпоху, память о которых и сегодня ещё не угасла, обоих остроумных и искусных в интригах, — врача Буа-Робера и маркиза де Ботрю. Обоих всегда считали шпионившими за двором и городом в пользу Ришельё. Архивы префектуры полиции неопровержимо подтверждают этот факт. Документ, который я собираюсь привести, даёт тому вещественное доказательство; это донесение, написанное рукой Буа-Робера и подписанное им и Ботрю. Донесение составлено то от имени обоих, то от каждого в отдельности. Вот оно во всей своей непосредственности.

ГЛАВА IV

Буа-Робер и Ботрю. — Они шпионы кардинала де Ришельё. — Герцог Бекингем и королева Анна Австрийская. — Необычные переодевания. — Белая женищина. — Госпожа де Люин. — Каковы были отношения Анны Австрийской с английским послом. — Моельня королевы. — Донесения шпионов кардинала. — Портрет королевы. — Отъезд Бекингема.

«Прежде всего я сообщу его преосвященству, что случай вновь свёл меня с одним ирландцем, которого я знал в Париже, когда он там учился, и которому я оказал услугу, за что он с той поры сохранил ко мне горячую признательность. Он уехал из Парижа и возвратился в Англию, где всё его достояние состоит в том, что он сделался любимым камердинером его светлости милорда герцога Бекингема. Хотя доходы от этой должности огромны, Патрис О'Рейли (так зовут этого ирландца) вечно без гроша. В этом он подражает своему благородному господину. Я хорошо принял его, когда он явился ко мне; и столь велико моё усердие в служении монсеньору, что я снизошёл до общения с этим слугой в надежде извлечь из его разговоров полезные сведения о его господине. Мне удалось добиться этого, дав ему немного денег вперёд».

«Подписано: БУА-РОБЕР».

«Монсеньор, помышляя лишь о счастье угодить его преосвященству, я воспользовался воспоминанием о дуэли, состоявшейся добрых двадцать лет назад, ещё до столь христианского постановления, изданного королём, нашим государем, чтобы завести полезные связи в доме английского посла. Молодой англичанин, сэр Гамильтон, из знатного шотландского рода, оказавшись без секунданта, поскольку его секундант сломал ногу как раз в тот момент, когда соби-рался присоединиться к нему, учтиво попросил меня принять участие в этом деле в качестве его помощника. От подобного участия дворянин никогда не отказывается. Итак, я сопровождал на место поединка сэра Гамильтона, который убил своего противника, испанца из рода Медина-Сидония. Со своей стороны, я оказался менее удачлив, ибо граф де Вариклери, итальянец по происхождению, но уже двести лет как мой соотечественник (1), вывел меня из строя сильным ударом шпаги, после которого мне пришлось лечиться более шести месяцев».

(1) Род Вариклери, разделившийся в XVI веке на две ветви, из которых одна поселилась в Монбризоне в Форезе, а другая — в Сен-Феликсе в Лораге, ведёт своё происхождение от Каррара, владетельных сеньоров Падуи. Последние, убитые венецианцами, захватившими их вла-

дение, оставили только двух отпрысков, которые сперва бежали в Геную. Впоследствии один из них перебрался во Францию, где его потомство продолжало существовать.

«С того дня сэр Гамильтон не отходил от меня, как тень; родители настоятельно звали его домой, но он не пожелал уехать до полного моего выздоровления. Расставаясь со мной, он по собственной воле дал слово чести исполнить всё, чего я от него потребую».

«Шли годы, наша дружба ослабела, мы перестали писать друг другу; возможно, мы уже совсем начинали забывать один другого, как вдруг я встретил его среди дворян посольской свиты, прибывших в Париж с герцогом Бекингом. Я не упустил случая напомнить ему о прошлом; я потребовал, чтобы он сдержал своё слово; и, несмотря на огорчение, причинённое ему моей настойчивостью, он рассказал мне всё, что знал. Итак, монсеньор, из того, что я узнал от сэра Гамильтона, и из того, что Буа-Роберу удалось вытянуть из камердинера, составлен следующий рассказ».

«Подписано: маркиз де БОТРИУ».

«В английском посольстве всем известно, что герцог любит К.... Он осмеливается держать портрет этой принцессы в своём кабинете под балдахином из синего бархата, увенчанным белыми и красными перьями; у него имеется и другой её портрет, написанный в миниатюре и окружённый крупными бриллиантами, который он постоянно носит на золотой цепочке на шее, словно получил его в подарок от К....».

«Он часто бывает у госпожи коннетабли (1); он делает вид, будто любит эту даму, но в действительности она только его поверенная; он сумел снискать её благосклонность, послав ей две тысячи пистолей и бриллиантовый бант стоимостью не менее ста тысяч ливров. Этот подарок был предложен госпоже коннетабли после того, как она обмолвилась словом о своём стеснённом положении. Деньги она приняла в долг, а драгоценность — как галантный дар. С тех пор всевозможные драгоценные редкости из Великих Индий (Южной Азии и обеих Америк, по тогдашнему словоупотреблению) устремились в дом госпожи де Люин; взамен она предлагает Бекингу свой дом и своё красноречие».

(1) Мария де Роган, родившаяся в 1600 году. В 1617 году она вышла замуж за Шарля д'Альбера, герцога де Люина, коннетабля Франции, а в 1621 году, вскоре после смерти первого мужа, вновь вышла замуж за Клода Лотарингского, герцога де Шевреза. Прославленная своим умом, красотой и любовными похождениями, она была ненавистна Людовику XIII, кардиналам Ришельё и Мазарини: «Я никогда не видел другой женщины, у которой живость заменяла бы рассудительность; её остроты были столь блистательны, что казались вспышками молнии, и столь разумны, что их не отвергли бы самые здравомыслящие люди» (кардинал де Рец, в своих «Мемуарах»). Изгнанная вследствие истории с Бекингом, она возвратилась во Францию во время регентства Анны Австрийской, которой, в свою очередь, пришлось её изгнать. Она сделалась одной из подстрекательниц Фронды и умерла в 1679 году; несмотря на второй брак, её часто продолжали именовать госпожой коннетабли.

«Она не перестаёт говорить о нём с К.... и подчёркивать, сколь велика его любовь, несмотря на всю её дерзость. Восемь дней назад К.... приехала на полдник к госпоже коннетабли. Король обещал прибыть туда; но герцог не желал быть вынужденным следовать за Его Наихристианнейшим Величеством и тем более не соглашался удалиться от своей дамы — дерзкое именование, которое он даёт величайшей принцессе на свете. Поэтому за этот день он переоделся пять раз, всякий раз в другое платье: в первый раз на нём была парадная ливрея Альберов (1); он стоял среди слуг, когда королева выходила из кареты; и, с непостижимой дерзостью, именно он откинул подножку, присвоив себе обязанности придворных служителей, причём, как говорят, его рука, исполняя эту услугу, нежно сжала ногу К....».

(1) АЛЬБЕР — родовое имя трёх ветвей герцогов де Люина, де Шевреза и де Шона.

«К.... сперва прогуливалась в саду. Герцог вновь появился среди садовников, которым было поручено подносить нашей государыне цветы и плоды; он даже осмелился сказать ей ком-

плимент, но таким тихим голосом, что никто не знает, что именно он произнёс: К.... покраснела».

«Позднее он появился в одеянии мага, предсказателя судьбы; он дважды говорил с К.... Сначала заметили, что госпожа коннетабль касалась руки Её Величества, словно желая предостеречь её от неожиданности; а когда мнимый астролог, приблизившись к К..., по-видимому, принялся предсказывать ей судьбу, эта принцесса пришла в такое смятение, что госпожа де Шеврез сделала герцогу безмолвный знак, словно предупреждая его, что он зашёл слишком далеко. Нам неизвестно, монсеньор, какую именно дерзость позволил себе герцог».

«Затем видели, как он, скрыв лицо под маской, участвовал в двух выходах балета «Демоны», исполненного на этом прелестном празднестве. Наконец, чтобы доставить ему удовольствие подольше оставаться возле своей дамы, заранее придумали маскарад столь изысканного вкуса, которому ваше преосвященство и король так восторженно рукоплескали, — посещение К.... в знак преклонения перед её красотой и достоинствами императорами Китая, Японии, Абиссинии, Могола, Мексики, султаном Константинополя, софи Персии, великим ханом Татарии и инкой Перу, каждого из которых сопровождала свита масок с невообразимо изящными и богатыми костюмами».

«Было известно, что все эти государи были в действительности вельможами из домов Лотарингского, Рогана, Буйона, Шабо, Ла-Тремюя; поэтому, якобы ради продления великолепия зрелища и торжества К..., названных властителей пригласили образовать круг и составить общество Их Величеств. Герцог Бекингем изображал Великого Могола, роль которого должен был исполнять молодой герцог де Гиз; но последний за ссуду в три тысячи пистолей согласился уступить своё место. Бекингем сверкал драгоценными камнями и, как было известно всему двору, носил бриллианты английской короны: по избытку безрассудного доверия король Великобритании позволил своему фавориту увезти их во Францию (1)».

(1) Георг Вильерс, герцог Бекингем, родился в 1392 году в Англии, в графстве Лестер, в семье нормандского происхождения, был последовательно фаворитом королей Якова и Карла. Менее чем за два года, благодаря первому из этих монархов, он стал рыцарем, камергером, затем бароном, виконтом, маркизом, хранителем пяти мостов, распорядителем налогов и так далее. Убийца Фелтон лишил его жизни 23 августа 1728 года.

«Молодой герцог де Гиз сопровождал господина Бекингема в качестве вельможи его свиты, с тем чтобы при содействии госпожи коннетабли он мог обмениваться костюмом с послом в тот момент, когда король должен был пригласить этих государей на один вечер снять маски и отужинать с ним и К....».

«Подмена удалась благодаря небольшому кабинету, в который Великий Могол вошёл со своим меченосцем; а поскольку после ужина предполагалось снова танцевать и надевать маски, по окончании ужина новый обмен турбаном и одеянием позволил герцогу возвратиться к своей первоначальной роли. Всё это было сделано благодаря милосердной помощи госпожи коннетабли. Таким образом, на протяжении всего бала дерзкому иностранцу было позволено свободно беседовать со своей дамой. Чего только он ей не наговорил?»

«С того вечера не проходило ни одного дня, чтобы герцог Бекингем при содействии всё той же госпожи де Шеврез не виделся инкогнито с К.... и временами не разговаривал с нею».

«Наконец, позавчера, его преосвященство, без сомнения, припомнит, в Лувре распространился слух о появлении Белой женщины, и несколько лакеев и женщин из свиты Её Величества объявили, что видели это привидение. Король ничего не знает об этих слухах, и ему не сообщают о них из опасения напугать его. Что же касается самой истории, вот она: милорд герцог, несомненно не довольствуясь всеми случаями, представлявшимися ему для встреч со своей дамой, пожелал добиться более уединённой аудиенции; под предлогом необходимости передать этой даме тайное письмо от её невестки (1) он попросил о свидании. Упомянутое письмо, как он говорил, должно было остаться неизвестным, поскольку в нём шла речь о сред-

ствах погубить господина кардинала де Ришельё. Именно таким способом он сумел добиться свидания. Нижеподписавшиеся лишь с большим сомнением верят в поощрения, которые этот вельможа якобы получал в своей преступной страсти. Однако женщины так странны! Но эта женщина, несомненно привыкшая к рыцарской и авантюрной галантности Испании, видит в подобных проявлениях лишь забаву, которой развлекается, не отдавая ей своего сердца».

(1) Генриетта Французская, дочь Генриха IV, сестра Людовика XIII и с 1627 года супруга Карла I, короля Англии.

«Итак, поскольку аудиенция была предоставлена, следовало отыскать средства устроить её. Госпожа коннетабль, воспитанная среди интриг и желавшая ещё больше развлечь свою даму, придумала поручить послу таинственную роль Белой женщины, которая к тому же помогла бы ему бежать, если бы его застали врасплох, воспользовавшись ужасом, который должно было вызвать подобное явление».

«И действительно, герцог, надев одежду необычного покроя, белого цвета, усеянную чёрными слезами и украшенную двумя мёртвыми головами, одна из которых находилась на груди, а другая между лопатками, закрыл лицо плёнкой, изобретённой Нобленом (1). Эта плёнка уже сослужила ему хорошую службу на празднике у герцогини де Шеврез в тех переодеваниях, когда он не мог воспользоваться обыкновенной маской. Изменив таким образом черты лица, герцог сверх того надел головной убор, столь же необычный, как и всё остальное одеяние; к этому убору он прикрепил полумаску из чёрного бархата (1), затем закрыл всё огромным плащом, а поверх головного убора водрузил одну из тех широкополых испанских шляп, которые называют сомбреро».

(1) Человек, достойный быть спасённым от забвения, которому предали его все словари. Чертёжник-механик, изобретатель множества диковин, подобных автоматам и утке Вокансона, он преподавал искусство фокусов великому Конде, Людовику XIII и Месье, герцогу Орлеанскому. Родившись в Париже около 1600 года, он умер в Версале в 1695 году; после него осталась богатая коллекция художественных предметов. Его имена мне неизвестны. Плёнка, о которой здесь идёт речь, представляла собой тонкую оболочку из кишки, покрытую слоем белого мягкого воска. Эту оболочку вырезали по заранее определённой образцу и, накладывая её на все плоские участки лица, совершенно изменяли его очертания; открытыми оставались лишь глаза и органы дыхания.

(1) Обычай носить маски из чёрного бархата существовал уже тогда и сохранялся ещё более ста пятидесяти лет среди знатных женщин и богатых горожанок. Их прикрепляли лентами либо удерживали посредством агатовой пуговицы, которую зажимали зубами. В церковь входили в такой полумаске, именуемой «лу». Маршалыша де Клерембо носила свою даже при дворе.

«Доверенный человек герцогини (который, впрочем, полагал, что ведёт в Лувр всего лишь итальянского астролога) провёл нашего искателя приключений через малые входы и коридоры, в которых уже давно дозволено дежурить только ставленникам фаворитки. Наконец, благодаря самым тщательным предосторожностям, удалось без всяких препятствий добраться до кабинета К....».

«Госпожа де Шеврез, как милосердная принцесса, желала удалиться; госпожу де Флотт (1) уже отослали под каким-то неизвестным мне предлогом, но К.... сначала попросила коннетабль остаться. Тогда, когда герцог собирался освободиться от своего облачения, Её Величество любезно подшутила над ним по поводу смешного впечатления, производимого этим маскарадом. Герцог показал себя галантным, но в глубине души его самолюбие страдало; и К...., всегда столь добрая, заметив причинённое ему огорчение, вознаградила его, позволив поцеловать ей руку. Герцог почтительно поднёс её к губам и преклонил колена перед Её Величеством; после чего умолял К.... выслушать чтение конфиденциального письма, которое ему надлежало ей передать. Это было условленным знаком между ним и госпожой де Шеврез, чтобы последняя

наконец удалилась; но в этом не возникло необходимости, поскольку К.... согласилась пройти с герцогом в молельню, чтобы выслушать письмо. Они вошли туда; и, поскольку дверь молельни осталась приоткрытой, госпожа де Шеврез закрыла её. Вдруг из передней донёсся довольно сильный шум, встревоживший поверенную, — это был знак слуги Бертена, извещавшего о прибытии короля. Но плут ошибся; и Его Величество вместо того, чтобы направиться к К...., напротив, покидал дворец и отправлялся охотиться на сорокопутов в саду Тюильри с Барада-сом, который не отстаёт от него ни на шаг».

(1) Придворная дама Анны Австрийской.

«Тем не менее тревога уже была поднята, герцог вновь надел своё облачение и спасся бегством, как вор. Но в смятении с него упала шляпа, плащ распахнулся; и немало перепугались те немногие младшие служители, которым довелось увидеть эту фигуру. Воспользовавшись всеобщей паникой, герцог бросился в комнату слуги Бертена, откуда спустя несколько мгновений наконец вышел в облике честного человека».

«Именно в это время его преосвященство, пришедший навестить К...., застал её покои в таком волнении и услышал, как добросовестные люди уверяли, что видели Белую женщину или великого охотника Фонтенбло, что для многих одно и то же».

«Вот, монсеньор, всё, что стало нам известно и что мы поспешили довести до вашего сведения для надлежащего употребления».

Этот своего рода протокол, подтверждая историю с комнатой, постелью и какой-то прогулкой, во время которой герцог проявил такую дерзость, что королева сочла необходимым позвать дам, временно удалившихся из уважения или любезности, возбудил чувства двойной ревности, причём ревность кардинала усилила ревность короля. Дело дошло до того, что герцог получил негласный приказ немедленно уехать, если он не желает подвергнуться дурному обращению. Известно, что дерзкий посол уехал лишь тогда, когда увидел, что обстоятельства сложились так, что остаться означало бы без всякой пользы погубить как собственную честь, так и честь королевы. Но это была всего лишь отсрочка; ибо вскоре герцог под каким-то неизвестным мне предлогом возвратился ещё раз; впрочем, последнее это путешествие было недолгим. Перед отъездом с ним вели переговоры, добиваясь, чтобы он отказался от миниатюрного портрета королевы; он горячо возразил, что портрет могут у него отнять, но добровольно он его, конечно, не отдаст.

Нельзя не заметить, с какой старательностью Ботрю и Буа-Робер в своём донесении избегали когда-либо называть королеву полным именем, — это была придворная осторожность, поскольку кардиналу де Ришельё, которому адресовалось донесение, должно было быть прекрасно известно, о какой даме идёт речь.

ГЛАВА V

Смерть священника Мерлена. — Архиепископ Парижский. — Борьба аббата Понсе с племянником священника Мерлена. — Аббат Понсе под покровительством архиепископа и Анны Австрийской. — Священника Мерлена поддерживают торговки с рынка. — Бунт в защиту его прав. — Наследование прихода Сен-Эташ. — Остроумное замечание Вуатюра. — Вступление наследственного священника в должность. — Налог на недвижимые владения. — Отказ платить этот налог. — Отказ Парламента зарегистрировать эдикт, устанавливающий этот налог. — Герцог Орлеанский. — Трусость этого принца. — Его многословие. — Представления торговцев. — Генеральный контролёр Эмери. — Председателю Моле дерзко угрожают. — Его твёрдость усмиряет мятежников. — Парижане берутся за оружие. — Восстание Парижа. — Насилия. — Испуг двора. — Преддверие войн Фронды.

После смерти настоятеля церкви Сен-Эташ по имени Мерлен архиепископ Парижский, которым тогда был Анри де Гонди, дядя знаменитого коадьютора, присвоив себе право назначения на этот приход, предоставил его по рекомендации королевы-регентши (Анны Австрий-

ской) священнику по имени Понсе. Племянник покойного, носивший то же имя, что и его дядя, вознамерился оспорить приход у избранника архиепископа. Он ссылаясь на отказ дяди от этого бенефиция в его пользу; отказ действительно имел место, однако утверждали, что в нём было множество оснований для признания его недействительным.

Сам Мерлен сознавал непрочность своего права; однако, чтобы обеспечить торжество своих притязаний, он опёрся на желание прихожан Сен-Эташ и в особенности на покровительство рыночных торговцев, проживавших в этом приходе. Они поддерживали Мерлена как за его приятную наружность, милосердие и постоянное проживание в приходе, так и за родство с покойным, благочестие и щедрые подаяния которого окружили его память почитанием среди всех этих людей.

Итак, прихожане, подстрекаемые аббатом Мерленом и его горячими сторонниками, собрались с намерением поставить во главе прихода священника по собственному выбору и прежде всего не допустить, чтобы его соперник Понсе занял приходской дом. Для разгона соборщ послали несколько отрядов лучников и стражников, но это средство лишь ещё больше разъярило народ. Толпа с шумом взбежала на колокольню, ударила в набат и захватила церковь. Некоторые из самых разгорячённых предложили отправиться к особняку господина канцлера и поджечь его, поскольку тот, будучи прихожанином Сен-Эташ, не становился на сторону племянника священника.

Торговки с рынка, издавна пользовавшиеся правом появляться в Лувре по важным случаям (двор тогда находился в Пале-Рояле, подаренном королю кардиналом Ришельё), торговки, говоря я, не отступили от этого обычая и при данных обстоятельствах отправили депутацию к королеве-регентше. Та, которой поручили говорить, несколько раз повторила в качестве своего сильнейшего довода, *«что уже более ста лет Мерлены были их священниками от отца к сыну и что другого им не нужно»*.

Вуатюр присутствовал при этом; он серьёзно сказал Анне Австрийской:

«Государыня, вот довод, основанный на родословии, отцовстве и законной наследственности, который представляется мне неотразимым; я нисколько не сомневаюсь также, что у аббата Мерлена найдётся сын, готовый заменить его самого в случае смерти. Эти добрые женщины, по-видимому, совершенно уверены в своих сведениях».

Регентша не любила, когда ей мешали пользоваться своей властью; но она не могла удержаться от смеха над наивностью этих речей. Её регентство едва началось; и, когда затем она узнала, что народ готов поддержать своего наследственного священника, она уступила, посоветовавшись с кардиналом Мазарини, уже пользовавшимся её доверием. Таким образом Мерлен стал священником Сен-Эташ в ущерб бедному Понсе. Мне было бы любопытно узнать имя его преемника, и именно в связи со словами рыночных торговцев.

По бунту, произошедшему в Париже в 1631 году по поводу налога на вино, и по бунту 1645 года из-за назначения священника Сен-Эташ можно было судить о том, как в подобных случаях поступало тогда правительство. И в том и в другом бунте оно считало необходимым в чём-то уступить народу, вместо того чтобы прибегнуть к суровым мерам. К тому же следует заметить, что Парламент и городская ратуша всегда были весьма расположены защищать парижан или, по крайней мере, ходатайствовать за них перед властями. Такая мера была благоразумна и имела целью предотвратить несчастья, к которым неизбежно должны были привести сопротивление с одной стороны и упорство с другой. Именно ввиду такого поведения власти по отношению к народу эти примеры способны дать представление о полиции той эпохи. Чтобы лучше показать её устройство и механизм, я приведу ещё примеры, которые также отвечают духу этой хроники.

Двор, несмотря на отказ Парламента зарегистрировать некоторые эдикты, повышавшие пошлины на ввоз товаров в Париж, заставлял своих сборщиков взимать эти пошлины. Народ

проявил неповиновение, в Парламент даже подали жалобы на сборщиков; но этим дело и ограничилось, а налог так и не был взыскан. Всё это происходило в конце 1647 года.

На следующий год регентша и министры, стеснённые нуждой в деньгах, пожелали ввести новый налог на дома. Этот налог получил название *абонемент доменов*; для надзора за его взиманием была образована палата из советников Парламента, которой поручили эту особую задачу.

Частные владельцы отказались платить; тогда наложили взыскание на квартирную плату, поступавшую от их домов. После этого народ толпой устремился во дворец, где заседал Парламент, и стал упрекать этих магистратов в том, что они дозволили подобное вымогательство. Некоторым советникам, входившим в непопулярную палату по делам владений, даже нанесли побои. Парламент, хотя и возмущённый, не выказал обиды: он понимал, сколь неблагоприятно было бы карать людей, которых хотели заставить уплачивать налог, эдикт о котором не прошёл благоприятной и охранительной процедуры регистрации.

Между тем налог по-прежнему требовали, и взыскания на движимое имущество продолжались. При таких обстоятельствах парижане приходят в дурное расположение духа; они возбуждают и ободряют друг друга, и в один прекрасный день семьсот или восемьсот купцов шумно собираются и посылают десятерых из своей среды к Гастону, герцогу Орлеанскому, дяде короля, наделённому на время несовершеннолетия монарха важной должностью наместника короны.

Этот принц, лишённый добродетели и энергии, провёл молодость в мятежах и предательствах своих друзей, которых сам же вовлекал в восстания. Бессердечный, малодушный, недостойный сын Генриха IV и столь же недостойный брат Людовика XIII, у которого, по крайней мере, никто не оспаривал героической доблести, он стал причиной казни Шале, Марийака, Монморанси, Сен-Мара и де Ту, ни разу не выказав ни сожаления, ни стыда. Так, однажды, когда он протянул руку, чтобы не дать графу де Монтрезору оступиться с возвышения, на которое тот поднялся, Монтрезор, опираясь на предложенную герцогом руку, сказал ему: «Ах, *монсеньор*, вот впервые ваше королевское высочество подаёт руку одному из своих слуг, чтобы помочь ему сойти с эшафота»; и принцу пришлось вытерпеть эту убийственную остроту, столь жестокую в своей правдивости, что она уже даже не была эпиграммой. Возраст, не отняв у него любви к раздорам, мятежам и пересудам, усилил его робость, леность и беспечность. Завидуя власти королевы-регентши и власти кардинала Мазарини, который пренебрегал возможностью руководить им; завидуя блистательной доблести господина принца Генриха Конде, бывшего герцога Энгиенского, он ожидал благоприятного мгновения, чтобы вновь взволновать государство, как и поступил немного спустя после описываемого нами времени. Женатый дважды и имевший только дочерей, он пережил собственное значение и постоянно оставался под опекой то одного, то другого из своих слуг. В ту пору им руководил аббат де Ла Ривьер. Известно, что принцесса де Монпансье (Великая Мадемуазель) говорила об этом аббате: «Уж кто-кто, а он должен хорошо знать, чего стоит герцог Орлеанский, мой отец, ведь он столько раз его продавал и перепродавал».

Поскольку само имя этого принца служило своего рода властью, купцы направили своих депутатов именно к нему. Они отправились в Люксембургский дворец, где обычно жил герцог Орлеанский, получивший его в пожизненное владение от своей матери Марии Медичи, основательницы этого дворца, вошли в покои Гастона и потребовали справедливости, дав в то же время понять, что добьются её сами, если им откажут. Принц, обрадованный случаем вмешаться в это дурное дело и, быть может, надеявшийся таким способом приобрести влияние и поколебать влияние своих соперников, выслушивает горожан, произносит перед ними речь и в самых прекрасных выражениях обещает им свою поддержку перед королевой-регентшей. Депутация, польщённая таким приёмом и полагая, что её интересы попали в надёжные руки, кланяется и удаляется. Как и в тысяче других случаев, это дало герцогу повод проявить

свою склонность к многословию; ибо, по словам писателей того времени, он говорил легко и всегда употреблял изысканные выражения. Вот как высказывается об этом Вуатюр: «Задача господина герцога Орлеанского заканчивается, когда он перестаёт говорить; всякое действие кажется ему излишним; он полагает, что словами можно довершить всё».

Однако большинство собравшихся купцов, среди которых некоторые хорошо знали герцога Орлеанского, посоветовали не дожидаться успеха его хлопот; и на следующий день решено было последовать пословице и обратиться прямо к Богу, не утруждая более его святых.

На следующий день, продолжая эту историю, недовольные являются во дворец. Они встречают председателя Торе, сына генерального контролёра финансов Эмери, или Гемери, человека, ненавистного народу и презируемого порядочными людьми. При виде его народная ярость вспыхивает вновь; крики со всех сторон обращаются против него; десятки голосов называют его «сыном тирана! вором, как его отец! ты заслуживаешь верёвки!» — кричат одни, «пусть их обоих повесят!» — прибавляют другие. От угроз вскоре переходят к делу. Эти разгневанные люди растерзали бы магистрата прямо на месте, где его уже удерживали силой, если бы несколько друзей Торе не вырвали его из их рук.

В таком состоянии крайнего возбуждения они подходят к первому председателю и говорят с ним дерзко; они грозят заставить его расплатиться за бедствия, которые ежедневно обрушивают на народ.

К счастью, во главе парижской магистратуры стоял один из тех людей железной закалки, которые словно созданы именно для подобных обстоятельств; я говорю о Матьё Моле, всю доблесть которого можно выразить этими памятными словами: «*Велико расстояние от клинка убийцы до груди мужественного человека*» (1)!

(1) Ответ, данный Матьё Моле мятежникам, которые угрожали ему кинжалом и руку которых остановили эти слова. Матьё Моле был также хранителем печатей. Он родился в 1584 году и умер в 1652 году.

Непоколебимый магистрат, честь судейского места, образец для Дворца правосудия, уважаемый двором и городом, бесстрашный благодаря спокойствию по крайней мере настолько же, насколько господин принц был бесстрашен благодаря пылу; благочестивый без лицемерия, учёный без педантизма; строгий под королевскими лилиями и весьма снисходительный у себя дома, простой, щедрый на милостыню, верный подданный даже в опале и там служивший королю с не меньшим усердием, чем преданностью, Матьё Моле завещал потомству имя, честь которого стала достоянием не только его семьи, но и политической Франции; столь же искусный, сколь и неподкупный судья, он никогда не позволял ни обмануть, ни подкупить себя. Ни недовольство королевы, ни дерзость принца Конде, ни итальянская хитрость Мазарини не устроили и не прельстили его. Нетрудно понять, что с первого взгляда он взял верх над этим бунтом горожан, которым прежде всего ответил: «Если они не удалятся, если они не повинуются приказам короля, он велит поставить во дворе виселицы, на которых по его приказу будут повешены самые буйные».

Эти слова подействовали на большинство; однако некоторые из самых дерзких возразили: «Виселицы предназначены для несправедливых судей и должностных преступников, от которых не получают никакой защиты и которые показывают себя рабами фавора».

Но, несмотря на этот ответ, толпа мало-помалу разошлась, повинувшись распоряжению первого председателя из уважения, а не из страха; ибо бунт был ещё далеко не подавлен.

Парламент, узнав об этих событиях, счёл нужным возбудить производство против мятежников. Регентша и двор, обрадованные тем, что эти магистраты, до той поры пользовавшиеся популярностью, вступят в столкновение с горожанами, позволили им действовать и даже всеми силами поддержали вынесенное постановление.

Этим постановлением предписывалось взять под стражу богатого купца по имени Кадо, одного прокурора при Шатле и ещё нескольких лиц.

Но в ночь с 11 на 12 января 1648 года горожане, упорствуя в своей враждебности, без перерыва производили мушкетные залпы, показывая тем самым, что они вооружены и готовы защищаться. От звука этой стрельбы гражданского лейтенанта пробуждают ото сна. Обеспокоенный, он встаёт и посылает разузнать, откуда доносится этот шум и почему люди мирного занятия дошли до того, что объявляют войну.

Горожане сухо отвечают, что упражняются единственно ради службы королю и что, если кто-нибудь ещё придёт требовать у них денег, они ответят выстрелами из ружей, мушкетов или аркебуз.

Двор, плохо направляемый советами или тайно желавший втянуть Парламент в это дело, совершил неблагоразумие, приказав полкам французской и швейцарской гвардии взяться за оружие. На следующий день весь Париж поднялся и напоминал укреплённый лагерь.

Двенадцатого числа полк французской гвардии и полк швейцарской гвардии размещают на общественных площадях. Был назначен генерал, который должен был присоединиться к ним во главе легкоконных всадников. Он направился к Сен-Дени, и, как говорится в «Мемуарах» Омера Талона, *собственной персоной*. Двери дома Кадо и другого купца, которые не стали дожидаться вооружённой силы, были взломаны. Впрочем, все были рады не застать их; ибо во всём этом хотели скорее устрасшить, нежели наказать. И подобные настроения тогдашнего правительства показывают, как мне кажется, насколько мало обоснованы обращённые против него пристрастные обвинения в деспотизме и насилии.

Эти действия, одновременно неблагоразумные и бессильные, усиливают тревогу народа. Люди поднимаются на колокольни и башни церквей на улице Сен-Дени и бьют в набат. За короткое время мятеж принимает устрашающие размеры; натягивают уличные цепи. Уже собираются отряды горожан; купеческий прево, вспомнив день баррикад и вместе с тем зная, что Мазарини не обладает ни твёрдостью, ни быстротой действий Ришельё, спешит в Пале-Рояль. Он предупреждает королевскую власть и первого министра о том, что происходит, рисует им оборот, который принимают события, и опасность, в которой все окажутся, если весь Париж восстанет, как это уже происходит в различных кварталах.

Двор, обычно дерзкий, когда ему уступают, и неуклюжий, когда ему сопротивляются, в свою очередь пугается. Он опасается, как бы его не удержали пленником в Пале-Рояле; вследствие этого, столь же поспешно отступая, сколь поспешно прежде выступил вперёд, он приказывает отвести солдат, а его посланцы распространяют слух, будто войска были построены лишь для сопровождения короля в собор Парижской Богоматери, куда он собирался отправиться, чтобы возблагодарить Бога за возвращение здоровья. И в самом деле, чтобы не казалось, будто этим пытаются ввести людей в заблуждение, совсем юный Людовик XIV, оправившийся от оспы, из-за которой опасались за его жизнь, с большой пышностью отправился в собор.

Историки той эпохи, рассказывающие об этих событиях, порицают двор за недостаток твёрдости; но им следовало бы также воздать должное парижским горожанам за их достойное поведение. Впрочем, Парламент вёл здесь двойную игру, и выгода в сущности оказалась на его стороне. Этот мятеж некоторым образом открыл дорогу войне, называемой Фрондой, которая вскоре разгорелась и о которой я сожалею, что не располагаю ни одним полицейским делом, несомненно позволившим бы нам лучше узнать это время смуты и неразберихи. Теперь я перейду к истории первого лейтенанта полиции; здесь мне будет из чего выбирать факты. Однако вот ещё один случай, предшествовавший его назначению, который я обязан сохранить ввиду его важности.

ГЛАВА VI

Донесение о Фуке. — Аббат Фуке. — Честолюбие двух братьев. — Бурные сцены. — Госпожа председательша де Бельер. — Она становится орудием Фуке. — Гибельная страсть

суперинтенданта. — Грозное соперничество. — План сопротивления королевской власти. — Необыкновенное предсказание. — Бриллиантовая застёжка. — Празднество в Во. — Происхождение разоблачений о Фуке. — Его арест. — Его смерть.

«Монсеньор, проникнутый доверием, которым вы меня удостаиваете, благодарный за выгодное место, предоставленное вами моему отцу, и особенно за вашу предусмотрительную доброту, позволившую ему управлять этим местом через третье лицо, дабы Фуке не заподозрили, что я служу королю во вред им; уверенный, наконец, поскольку вы дали мне в том слово, что при первом удобном случае буду принят в роту господина д'Артаньяна, я отдаю себя в ваше распоряжение и сообщу вам в форме письма, которым вы сможете воспользоваться по своему усмотрению, всё, что обнаружил противного интересам Его Величества в доме господина генерального прокурора Никола Фуке, генерального суперинтенданта ведомства финансов, у которого я состою личным секретарём.

«У господина Фуке множество друзей, и он охотно принимает всех, кто пользуется влиянием. Среди остальных он также оказывает услуги тем, кто обладает какими-либо личными достоинствами; к этому числу он относит самых знатных вельмож двора. Господа Арно де Помпонн, добряк Пелиссон, человек ума и здравого смысла, добряк Лафонтен, этакий туповатый мечтатель, сочинитель басен, лучшая из которых, должно быть, не слишком хороша.

«Госпожа председательша де Бельер, маркиза де Севинье, мадемуазель де Скюдери, Нинон де Ланкло также принадлежат к главным друзьям господина Фуке. Все мужчины и женщины, о которых я вам говорю, получают от него содержание. Его великолепие поистине королевское великолепие; однако в собственном доме у него есть непримиримый враг — его брат, аббат Фуке. Аббат приходит в бешенство оттого, что до сих пор не сделался епископом. Он даже обвиняет брата в том, что тот ещё не позаботился проложить ему путь к кардинальскому сану; словом, честолюбие господина аббата Фуке превосходит всякое вероятие. Отсюда ежедневно происходят бурные сцены, свидетелем которых я часто бываю; я слышу угрозы аббата, который говорит брату, что, если тот падёт, именно он, аббат, станет причиной его падения.

«Генеральный прокурор презирает брата, зная его неспособность; потому он не перестаёт говорить ему:

— Неужели вы полагаете, будто довольно быть алчным и честолюбивым, чтобы заслужить высокие почести и обладать достаточными способностями, дабы не покрыть себя позором? Вы невежественны, игрок, вспыльчивы, распутны; вы растеряли все плоды своего учения; если бы я выдвинул вас, вас слишком хорошо узнали бы, а я вслед за вами слишком скоро потерял бы уважение. Поверьте мне, довольствуйтесь большими деньгами, которые я стану вам давать, и откажитесь от остального.

«Эти заключительные слова приводят аббата в ярость; он ругается, богохульствует, топает ногами, призывает дьявола; словом, глядя на него, можно подумать, что он вот-вот причинит брату какое-нибудь зло.

«В этом доме царил бы настоящий ад, если бы их мать, святая женщина, уже при жизни наполовину причисленная к лику святых бедняками, для которых она служит провидением, не трудилась непрестанно над примирением своих детей. Она не перестаёт повторять им, что число их общих врагов слишком велико, чтобы они не попытались сделать этих врагов менее опасными, объединившись против тайной войны, которую те против них ведут.

«У господина Фуке столько дел: королевских, собственных, дел его друзей, что удивляешься, как он не умирает от трудов. День он отдаёт королю, обеим королевам (Анне, матери, и Марии, супруге Людовика XIV), своим товарищам-министрам, приёмам, любовным похождениям. Он работает почти всю ночь; не знаю, где он спит и как спит, я всегда вижу его бодрствующим и на ногах. Число нежных записочек, галантных писем, любовных посланий, которые он отправляет или получает, необъятно. Каждый день я застаю его занятым новой женщиной; кроме того, он беседует с евреями, цыганами, предсказателями судьбы, астрологами. Одним

словом, можно подумать, что ему недостаточно земных дел и что его невероятная деятельность нуждается также в делах иных миров.

«Ему уже несколько раз составляли гороскоп рождения, но он ими недоволен. В волшебном зеркале ему показали змею (ужа), пожирающую белку (1); с тех пор его ненависть к вам и страх перед вами, монсеньор, удвоились.

(1) Девизом Фуке была белка с надписью: **Quo non ascendam?**. Змея (на языке геральдики — **givre**) была фигурой на гербе Кольберов, а на гербе Летелье изображены три ящерицы.

«Несколько дней назад распорядительница его мелких удовольствий, госпожа де Бельер, вошла к нему в кабинет потайной дверью. Я провёл с монсеньором без сна более трёх ночей; он и тогда диктовал мне, но природа одержала верх, и, несмотря на все усилия, я уснул. Заметив это, господин Фуке остановился, вынул перо из моих пальцев, отгородил меня большой ширмой из чёрного лака и продолжил собственноручно писать то, на чём я остановился.

«Госпожа де Бельер, как я сказал, вошла, немного пошумела, и я проснулся; но то ли от желания ещё поспать, то ли, вернее, от желания подслушать их разговор, я не переменял положения и, положив голову на письменный стол, остался с виду совершенно спящим.

«Увидев свою приятельницу, господин Фуке приоткрыл ширму, посмотрел на меня и, убедившись, что я недвижим, уже не сомневался в том, что я погружён в самый глубокий сон. Он сказал это вошедшей; но поскольку время от времени он сдвигал ширму, чтобы удостовериться, не просыпаюсь ли я, я принялся храпеть с таким усердием и так естественно, что оба они, перестав меня подозревать, без всякого стеснения продолжили разговор, который я сейчас передам вам, монсеньор. Есть фразы, которых я не понимаю; быть может, у вас найдётся к ним ключ.

«Госпожа де Бельер, едва войдя, села.

— Ах, как я устала, мой бедный друг! И чем же вы оплатите мне за все труды, которые я ради вас принимаю на себя?

— Сообразно важности ваших услуг и цене ваших заслуг, — ответил он смеясь. — Вы знаете, одним я оплачиваю мула, другим — коня; этим — носилки, тем — карету... Стало быть, вы очень утомились ради меня, милая красавица? (Это было сказано самым ласковым тоном.)

— До такой степени, что могу от этого заболеть. Если бы ещё дело завершилось успехом.

— Разве успеха нет? — возразил он уже не столь добродушно. — Или вы не пускаете в ход всё своё искусство?

— Неблагодарный, держу пари, вы обвиняете меня в своей неудаче!

— Разумеется, нет!

— О, да, именно так! Но давайте всё-таки рассудим. Возможно ли, несмотря на ваш ум, вашу галантность, ваше величие, ваше покровительство, чтобы вам предпочли ДРУГОГО? Посмотрите на его положение, возраст, наружность.

— Я вижу дьявола! — воскликнул господин Фуке, нетерпеливо топнув ногой; — я без ума от этой девушки; и если понадобится осыпать её золотом, пусть ничто вас не останавливает. ДРУГОЙ не допустит, чтобы мне не доставало его для службы ему.

«Тут оба снова рассмеялись. Он продолжал:

— Изобразите меня по-настоящему влюблённым; это всегда производит хорошее впечатление, к тому же я влюблён до потери рассудка. Особенно выставляйте в выгодном свете мои прежние победы. Не забудьте ни госпожу де Севинье, ни жену Скаррона.

— Но ведь это значит напрасно их скомпрометировать!

— Всё равно говорите; средство превосходное: чтобы добиться одной женщины, надо пустить по ветру репутацию сотни других.

— Но ведь они ваши приятельницы!

— Тем более; и ради их же пользы говорите: чем больше у них было любовников, тем желаннее они будут казаться.

— Я готова поклясться, что первая ограничивается учёной перепиской со своими близкими; что же до второй, она слишком хитрая кумушка, чтобы без крайней необходимости очищать перья. Есть ли у вас их письма?

— У меня есть кое-что получше!

— Что же именно?

— Их портреты!

— Ах, до чего вы изобретательны! — сказала смеясь госпожа де Бельер; — вы приводите меня в хорошее расположение духа; и мне приходит фантазия, чтобы ещё больше возвысить вас в глазах нашей милой хромоножки, прибавить к числу ваших побед мадемуазель де Сюдери.

— Помилуйте! Она ведь так дурна собой!

— Ах, мне придётся наделить вас всеми видами храбрости.

— Дайте мне сперва мужество жить в смертельном нетерпении, в котором вы меня держите. Вы знаете меня лишь наполовину, милая красавица. Прося вас помочь мне у новой королевы моего сердца, поверьте, я вверяю вам не столько интересы моих любовных походов, сколько интересы моей страсти. Я люблю эту женщину так, как ещё не любил никакую другую. Она будет, быть может, трёхсотой, кого я возжелал, но непременно будет единственной, кого я полюбил!

— Большое спасибо за остальных двести девяносто девять!

— Полноте, не сердитесь и помните, что с вами говорит влюблённый; влюблённый, который ради одного карего глаза бросил бы все дела на свете и которого все дела на свете требуют к себе и поглощают. Вы ведь знаете: здесь я всё делаю, до всего дотягиваюсь, всё охватываю. Ах, надо быть Атлантом... Я им стану; но для этого необходимо, чтобы исчезли два человека. Оба они мешают мне; оба строят против меня козни. Король их слушает; ему хочется уже перестать быть ребёнком; а я хочу, чтобы он довольствовался своими игрушками и не оспаривал у меня того, чего я заранее решил ему не уступать.

— Друг мой, вы теряете голову; берегитесь, ни на что не рассчитывайте, пока ящерица и змея преследуют вашу милую белочку.

— Они падут, поверьте мне. Король приезжает в Во. Там я надеюсь так ловко окружить его своим влиянием, что он станет смотреть на всё лишь моими глазами. Самые близкие ему люди — мои доверенные и все у меня на жалованье; словом, платит он, а пользуюсь я; но во всяком случае, если мне станут угрожать, я сумею сделаться грозным. Бель-Иль принадлежит мне, это одна из наших лучших крепостей, и там у меня будет надёжное убежище. Вот, только что я набросал на этой бумаге распоряжения, которые должны исполнить мои друзья в невероятном предположении, будто им придётся освободить меня из какой-нибудь западни.

«Здесь он подошёл и достал из-за своего большого венецианского зеркала бумагу, которую, как я видел, спрятал там сегодня утром. Он прочёл её госпоже де Бельер, которая не раз вскрикивала, а под конец сказала:

— Но ведь это полный план мятежа и сопротивления королевской власти!

«И после короткой паузы она прибавила:

— Неужели вы пошли бы до конца?

— Ах, сударыня, — ответил он, — я никогда не стану стремиться причинить зло королю. Я отдал бы за него жизнь. Его особа для меня священна, и, прежде чем оскорбить его, я убил бы себя у его ног. Но я знаю, до чего доходит злоба Летелье и Кольбера; не стану говорить о Лионне: в том нет желчи, и он едва ли сам толком знает, любит он меня или ненавидит; зато остальные ко мне беспощадны; между нами идёт война не на жизнь, а на смерть, я всегда буду настороже против их недоброжелательства ко мне, и любое сопротивление им будет с моей стороны законным. Таким образом, король остаётся вне этого дела.

— Вы проявите к нему неуважение лишь в отношении прекрасной хромоножки.

— Ах, на этом поле нет нейтральной полосы; здесь всё дозволенная добыча и каждый имеет право воевать свободно.

— Друг мой, эта женщина станет для вас роковой, я это предчувствую.

— Напротив, она довершит моё возвышение. Вот тщательно составленный гороскоп рождения, вот другой; все они говорят мне, что мои многочисленные последние годы пройдут в мире и на высоте положения. Этот последний совершенно определен. В нём прямо сказано, что я буду обитать в *очень высоких местах*. Может ли это означать что-либо иное, кроме того, что судьба сделает меня первым министром; и я настолько в этом убеждён, что стараюсь продать свою должность генерального прокурора при Парижском парламенте. Однако она обошлась мне достаточно дорого, в миллион восемьсот тысяч ливров, больше, чем было указано в купчей; но, уступая её, я надеюсь получить за неё ещё лучшую цену.

— Напрасно вы хотите отказаться от этой должности, — сказала госпожа де Бельер. — Подумайте, дорогой Фуке, что она служит вам более надёжным, нежели что-либо другое, средством сохранить ваше состояние, которое, в конце концов, стоит не меньше, если не больше власти.

«Тут я подумал, что, если продлю свой сон ещё дольше, он станет подозрительным: я проснулся. Господин Фуке подошёл ко мне и подшутил над моим храпом. Госпожа де Бельер ушла, унося в мешочке из испанской кожи две тысячи новеньких пистолей и великолепную бриллиантовую застёжку. Ей стоило большого труда удерживать всё это. Её оруженосец, вероятно, принял у неё всё в передней.

«Вот, монсеньор, всё, о чём я могу донести вам сегодня. Полагайтесь на мою точность, бдительность и страстное желание служить вам...»

ПРИМЕЧАНИЕ. Подпись была так тщательно стёрта, что я не смог разобрать её под густым пятном чёрных чернил, которым она была покрыта. Всё, что я смог предположить, — это то, что фамилия состояла не более чем из четырёх-пяти букв и ни одна из них не выступала ни вверх, ни вниз за пределы строки.

Это донесение, адресованное Кольберу, происходит из Бастилии. Господин Ленуар извлёк его оттуда; я нашёл его среди бумаг последнего; сэр Эджертон предлагает мне за него тысячу экю.

Как можно было понять, речь здесь шла о мадемуазель де Лавальер, в которую Фуке был влюблён, не считаясь со страстью короля. Эта дерзость суперинтенданта определила его падение. Известно, что мадемуазель де Лавальер пожаловалась Людовику XIV на то, что Фуке пытался купить её благосклонность.

— Неблагодарный! — воскликнул король; — теперь я не сомневаюсь, что он предатель.

С этого времени его гибель была решена. В первую минуту гнева Людовик XIV хотел велеть арестовать его посреди праздника, который суперинтендант финансов устроил в его честь в Во. Но королева-мать показала сыну всю одиозность подобного государственного переворота. Арест произошёл в Нанте, где Фуке был предан суду и приговорён к пожизненной ссылке. Король, который, как говорят, желал его смерти, держал его узником в Пиньероле. Там он и умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.